

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 24–29

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 24–29

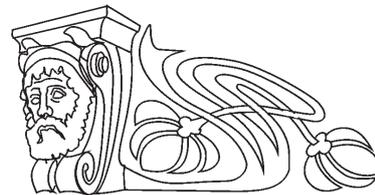
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-24-29>, EDN: PDWESI

Научная статья

УДК 111.1+165.62+929Хайдеггер

Онтология декларации: к характеристике современной философии

М. А. Богатов¹✉, Д. А. Павлова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Богатов Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, m_bogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2831-918X>

Павлова Дарья Александровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Аннотация. Введение. В статье анализируется состояние современной онтологической мысли. Не случайно после Хайдеггера в философии фактически отсутствует систематическое рассмотрение понятия «бытие». Значит ли это, что проблема бытия утратила свою актуальность? Или же это свидетельствует о том, что понятие «бытие» продолжает (пусть и негативным образом) определять облик современной философии? Авторы обращаются к истории онтологии через последовательное прохождение трех этапов: «онтология бытия» – «онтология должного» – «онтология декларации». **Теоретический анализ.** На первом этапе рассматривается пример четырех ограничений бытия согласно Хайдеггеру: «становление», «видимость», «мышление» и «должное». При этом указывается на принципиальное отличие должного от остальных трех ограничений. Анализируется происхождение «должного» из нормативно-юридической установки мышления. Представлена краткая характеристика принципиальных отличий «онтологии декларации» от «онтологии бытия» и «онтологии должного». Указывается, что источник появления «онтологии декларации» следует усматривать в работах Жюль Делёза и Феликса Гваттари, а ее последовательное развитие – в проектах объектно-ориентированной онтологии. **Заключение.** «Онтология декларации» не является «декларацией онтологии». Дается предварительный прогноз дальнейшего развития «онтологии декларации».

Ключевые слова: онтология, бытие, должное, становление, мышление, онтология декларации, нормативно-юридическое мышление

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

Для цитирования: Богатов М. А., Павлова Д. А. Онтология декларации: к характеристике современной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 24–29. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-24-29>, EDN: PDWESI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ontology of declaration: Towards the characteristics of modern philosophy

M. A. Bogatov¹✉, D. A. Pavlova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachya St., Saratov 410012, Russia

Mikhail A. Bogatov, m_bogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2831-918X>

Daria A. Pavlova, darialpavlova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8696-3980>

Abstract. Introduction. The article is devoted to consideration of the state of modern ontological thought. It is no coincidence that after Heidegger there is virtually no systematic consideration of the concept of being in philosophy. Does this mean that the problem of being has lost its relevance? Or does this indicate that the concept of being continues (albeit in a negative way) to determine the face of modern philosophy? The author proposes to consider the history of ontology through the sequential passage of three stages: "ontology of being" – "ontology of the due" – "ontology of declaration". **Theoretical analysis.** At the first stage, the example of the four limitations of being according to Heidegger's point of view is considered: "becoming", "appearance", "thinking" and "due". At the same time, the fundamental difference between what should be and the other three restrictions is pointed out. The origin of the "due" from the normative-legal mindset is analyzed. Then a brief

description of the fundamental differences of the “ontology of declaration” versus the “ontology of being” and the “ontology of the due” is given. It is indicated that the source of the emergence of the “ontology of declaration” should be seen in the works of Gilles Deleuze and Felix Guattari, and its consistent development in the projects of object-oriented ontology. **Conclusion.** As a result, it is pointed out that a “declaration ontology” is not a “declaration of an ontology”. A preliminary forecast for the further development of the “ontology of declaration” is given.

Keywords: ontology, being, due, appearance, thinking, ontology of declaration, normative legal thinking

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00627, <https://rscf.ru/project/24-28-00627/>.

For citation: Bogatov M. A., Pavlova D. A. Ontology of declaration: Towards the characteristics of modern philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 24–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-24-29>, EDN: PDWESI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Само словосочетание «современная онтология» при пристальном рассмотрении уже содержит в себе некоторую интерпретацию понимания бытия. Если бытие понимать в античном смысле неизменного и вечного, то «онтология» как рубрика постижения такого бытия была бы всегда одной и той же – различия наблюдались бы лишь в тех аспектах, с позиций которых философы обращались бы к этому бытию. Однако, как хорошо известно, само понятие «онтология» появилось достаточно поздно, в XVII в. Историческая ирония заключается в том, что как раз с того времени вплоть до современности случаев исследования бытия в качестве вечного и неизменного не было ни одного – проблематика либо склонялась от бытия к познанию (как это происходило у мыслителей Нового времени и у Гуссерля), либо бытие рассматривалось изменяющимся, подверженным собственной истории (как у Хайдеггера), либо его концепт вовсе отвергался как таковой (как у Ницше или в некоторых изводах позитивизма, постпозитивизма и аналитической философии). Поэтому в строгом смысле легитимно говорить о «современной онтологии» можно лишь в историко-философском ключе, выявляя те или иные редкие для XX–XXI вв. случаи философского обращения к теме бытия. Полагаем, что такое положение дел никоим образом не случайно, и объяснение обращения к проблеме бытия в современной философии нельзя обосновать ссылками на банальную неактуальность данной темы, апеллируя к целой палитре иных, интересующих современных философов, тем. Мы твердо убеждены в том, что эти вещи тесно связаны между собой: бытие, лишившееся своей связи с предикатами «вечности» и «неизменности», будучи погруженным в историю (пусть и в «историю бытия», *Seingeschichte* Хайдеггера), вызывает к жизни целый перечень тем, определяющих облик современного фило-

софского знания. В этой связи можно говорить о негативной зависимости современной философии от определенного (не)понимания бытия. В таком случае приобретает свой смысл выявление, экспликация скрытого, имплицитно подразумеваемого современностью понятия бытия. Наша основная гипотеза заключается в том, что сегодня мы присутствуем в ситуации господства третьего, прежде не существовавшего, понимания бытия: *бытия, понятого в качестве декларации*. Первыми двумя выступали хорошо известные «бытие сущим» и «бытие должным». Прежде чем охарактеризовать *декларируемое бытие*, следует ответить на вопрос: почему же первые два способа бытия для характеристики сегодняшней ситуации оказываются недостаточными?

Теоретический анализ

В своем лекционном курсе «Введение в метафизику» Хайдеггер говорит о четырех «ограничениях» бытия: становлении (*Werden*), видимости (*Schein*), мышлении (*Denken*) и долженствовании (*Sollen*) [1]. Под этими «ограничениями», таким образом, следует понимать те традиционные рубрики, в паре с которыми бытие вступало в философию. По замыслу Хайдеггера расположение этих рубрик именно в таком порядке может, если и не исчерпывающе, то в достаточной мере охарактеризовать историю философской мысли: от «бытия и становления» у Парменида и Гераклита – до «бытия и долженствования» у Канта, Ницше и современных Хайдеггеру неокантианцев. Следующей, пятой рубрикой, как можно догадаться, должны выступать «время» (*Zeit* у «раннего» Хайдеггера) и «история» (у Хайдеггера после так называемого «поворота» [2]). При этом следует обратить особое внимание на то, что во всех этих случаях речь не идет об определениях бытия вроде «бытие как становление» или «бытие как видимость», а именно о том, что

каждая эпоха выбирает себе свой собственный аспект, который противопоставляет бытию. От этого противопоставления бытие каждый раз понимается по-разному: бытие, которое противостоит «видимости» – иное, нежели бытие, противостоящее «долженствованию». Имеется ли во всех этих четырех случаях в виду одно и то же бытие? Ответ на этот, достаточно нетривиальный вопрос, выходит за рамки данного рассмотрения, но мы можем небезосновательно предположить, что, поскольку данные рубрики-ограничения не чередуются, а следуют друг за другом в истории мысли, то вместе с ними модифицируется и само бытие. Именно такая перспектива понимания бытия в конечном итоге и определит творчество всего «позднего» Хайдеггера, который сконцентрируется на «истории бытия» (Seingeschichte), где история (т.е. разворачивание каждый раз качественно нового времени, эпохи) будет определяться постоянно изменяющимся бытием.

В любом случае у читателя этого курса лекций не может не сложиться впечатление, что Хайдеггер пока, в 1935 г., уверен, что он говорит об «одном и том же» бытии. По меньшей мере, если этого предположения не сделать, исчезает вся интрига лекционного курса: если, скажем, в паре «бытие – становление» бытием выступает одно, а в паре «бытие – видимость» – другое, то какой вообще смысл и там, и там использовать одно и то же слово «бытие»? Здесь нельзя не вспомнить о знаменитом выражении Аристотеля о том, что «сущее сказывается различным образом» [3, с. 187], которое затем положил в основу своего исследования молодой Франц Brentano (1862) [4] и которое, в свою очередь, оказало столь решающее влияние на приверженность молодого Хайдеггера к философии как таковой [5, с. 50]. Интуиция Аристотеля, которую развивает Brentano и усваивает Хайдеггер, заключается в том, что понимание бытия той или иной вещи зависит от того, о какой именно вещи идет речь. Иначе говоря, любая вещь, которая существует, вступает с собственным бытием в различного рода отношения: верность людей друг другу есть (бытует) иначе, нежели есть (бытует) стакан на столе; сами эти «есть» различные, а потому «бытие» не может выступать наиболее общим (родовым) понятием. Данное положение, будучи определенным образом переосмысленным, выступит, к примеру, у Канта под видом уже сугубо логического положения о том, что «бытие не есть реальный предикат вещи» [6, с. 469], и утвердится в рамках фор-

мальной логики за особыми, не поддающимися формально-логическому анализу, так называемыми «экзистенциальными суждениями». В итоге можно сказать, что с каждым из своих «ограничений» бытие у Хайдеггера вступает в собственные, «различные» отношения, сама оставаясь по сути «тем же самым» бытием.

Возвращаясь к перечню Хайдеггера сейчас, мы тем не менее не можем с ним полностью согласиться: среди этих ограничивающих бытие рубрик имеется одна, которая соотносится с бытием принципиально иначе – речь идет о «долженствовании». Для демонстрации данного положения достаточно пройти по полному перечню негативным образом. В случае пары «бытие – становление» то, что становится, еще (уже) *не есть*, а потому бытие сохраняет свое онтологическое преимущество. В случае пары «бытие – видимость» то, что лишь видится, как бы не существует по-настоящему, не есть, и потому бытие сохраняет свое онтологическое преимущество. В случае пары «бытие – мышление» само мышление должно так или иначе подступиться к бытию, научиться иметь с ним дело, а потому и здесь бытие сохраняет свой приоритет в иерархии. Однако совсем иначе обстоит дело с парой «бытие – долженствование»: то, что существует, есть таким образом, что лучше бы его не было, а потому должно быть *что-то другое*. Бытие в этом случае резко становится тем, чего быть не должно, и долженствование выходит на первый план, перемещая бытие в лучшем случае на роль негативного мерила. Именно здесь, в отличие от первых трех ограничений, мы действительно имеем дело с тем, что можно назвать глубинным изменением самого строения онтологии.

Юридически-нормативная характеристика долженствования

Если поставить себе цель указать на краткую генеалогию долженствования, раскрыв историю того, где оно зарождается и каким образом в итоге завоевывает первенствующее положение, то мы бы не стали указывать на столь очевидное и чаще всего приводимое, ставшее фактически общим местом – возведением к Платону и последующему христианству. Куда перспективнее было бы обратиться к юридическому, нормативному аспекту выступления «должного» вперед «бытия»: если угодно, не христианство ввело долженствование в пику бытию (Бог есть бытие), но Французская революция, которая руководствовалась принципом свободного переустройства *того, что есть* в

то, чем оно на деле *должно было бы быть*. Не случайно именно поклонник Руссо Иммануил Кант, столь тщательно следивший за событиями во Франции, вводит приоритет намерения поступка над его фактическими последствиями, закрепляя последний в форме категорического императива: мы должны исходить из того, как должно быть, невзирая на то, что есть. Отсюда и запрет Канта даже на «ложь во благо»: лжи не должно быть в принципе, даже если она повсеместно распространялась, распространяется и будет распространяться впредь. И если в сфере юриспруденции с самого начала времен законы существуют именно потому, что их нарушают (что особенно движет развитием прецедентного права), то в случае философской онтологии дело прежде обстояло иначе. Подчеркнем: речь идет не о нормативно-юридической науке как таковой, а о *юридификации самого способа мыслить мир*, выражающейся в довольно далеких от юридической практики сферах, в первую очередь – в философии.

Прежде исконной задачей философа – от Парменида и Гераклита до Фомы Аквинского – было помыслить вечное и неизменное во временном и случайном, включив «иерархическое» зрение: подлинным образом случайного либо вовсе нет, либо оно несущественно. Аристотель для этого вводит понятие «привходящего», *συμβεβηκός* (субстантивированное прилагательное от глагола *συμβαίνω* – «сходиться», «случаться», «удаваться» и т.д.). Иначе говоря, мир устроен так, что в нем случается много ненастоящего, неподлинного, однако задачей философа является удержание усилия на настоящем и подлинном. Сами эти настоящее и подлинное по-настоящему и подлинным образом только и бытуют. Таким образом, удержание неизменного бытия вместе со случайным и неподлинным в пользу иерархического первенства того, что есть – задача прежней онтологии, которую мы условно назовем «онтологией бытия».

В случае с «долженствованием» сам жест усмотрения бытия радикальным образом трансформируется: если философ аскетически отсекает случайное ради усмотрения существенного, то юрист привлекает случайное как прецедент для распознавания в нем существенной, подпадающей под действие того или иного закона, характеристики. Никакого «общего» вне *конкретных случаев* нарушения закона в *принципе* не существует: мир не устроен так, что законы соблюдаются. Напротив, мир *по-настоящему*

устроен так, что законы вновь и вновь нарушаются и именно с этими *нарушениями* (а не с *исполнениями*) законов юристу и приходится иметь дело в своей профессиональной деятельности. Для нормативно-юридического настроенного взгляда существенным становится как раз привходящее, *συμβεβηκός*: все случайное и фактически бытующее существенно, в то время как то, что «должно было бы быть в принципе», ситуация исполнения закона, из поля зрения такого взгляда полностью исключается, делается своеобразным «слепым пятном». Важно отметить, что *фактически существующее* расценивается в качестве большего или меньшего отклонения от того, что *есть в принципе*, а потому бытие все же выступает мерой должного, чтобы, в свою очередь, должное смогло служить мерой оценки существующего.

Кажется, что мы столкнулись с парадоксом: намереваясь показать, что онтология долженствования разворачивается во всю силу вследствие нормативно-юридической трансформации мышления человека XVIII в., что должное выходит на первый план перед бытием, мы указали как раз на обратное положение дел: нормативно-юридическая позиция, напротив, должное как бы игнорирует, работая со случайным и онтологически несущественным. На деле все обстоит иначе: юридическая мысль делает происходящее случайным и несущественным лишь в свете никогда не бывшего (а зачастую и не могущего быть в принципе) должного, а потому, возвращаясь к онтологии, можно сказать, что происходящее и бытующее начинают рассматриваться с позиции небывалого долженствования и отныне имеют право на существование лишь в отбрасываемом должном свете. Связь с бытием здесь сохраняется, но теперь она иерархически инвертируется.

Зависимость долженствования от бытия можно проиллюстрировать элементарной схемой: мысль ухватывает сущее через призму того, каким оно должно быть. Хотя философия здесь сталкивается с фактически бытующим в модусе «недолжного», но, тем не менее, она целиком и полностью этим фактически бытующим *определяется*. Сущее выступает мерой мысли, которая автоматически, самым способом схватывания предметности фиксирует в бытующем «отклонение» от того, чем это бытующее должно «было бы» быть. Целью является нормирование фактичности бытия, которое в идеале должно привести к бытию, развернутому «как должно». Зависимость от бытия здесь

сохраняется. Иначе обстоит дело с тем, что мы назвали современной, третьей онтологией – *онтологией декларации*.

Основные характеристики онтологии декларации

Онтология декларации отличается от онтологии должного тем, что в ней более не удерживается усилие мысли, ориентирующейся на бытие даже с целью его «исправить». Фактическое существование уже не выступает даже негативной мерой для того, что подлежит корректировке в статусе должного. Если понимать под первичным значением декларации «заявление о намерениях», то, возвращаясь к онтологии, можно констатировать, что в случае онтологии декларации уже не нацеленность на бытие (как в онтологии сущего) и не стремление привести бытие к должному (как в онтологии должного), а *само намерение* претендует на бытийный статус, намерение, не соотносимое ни с каким бытием или должным в принципе. Значительно упрощая ситуацию, можно сказать, что движение по ступеням трех онтологий переходит по схеме «*вещи – (должные) мысли о вещах – намерение* сказать о вещах», в которой соответствующее выделение курсивом маркирует сам предмет каждой из онтологий.

Если для Канта намерение поступка важнее его последствий, то это потому, что вычислить все возможные последствия поступка перед его осуществлением просто не удастся: не в силу отсутствующих «вычислительных мощностей» (как полагается сегодня, например, при расчетах различных рисков), а в силу того, что действовать всегда необходимо неотложно, здесь и сейчас. При этом говорить о намерении поступка без самого его осуществления согласно Канту совершенно бессмысленно, в то время как в случае онтологии декларации само заявление о намерении рассматривается как самостоятельный поступок, не требующий никакого иного дополнительного осуществления, а именно: единственно существенным уровнем бытия признается уровень выражения намерений, не требующих никакой иной верификации и (или) реализации. Следует отметить, что если на онтологию должного оказало решающее влияние нормативно-юридическое восприятие реальности, то на онтологию декларации оказывает решающее влияние внешнеполитический способ установления отношений между различными государствами и общественными образованиями современности, *дипломатическая риторика* как примирительного, так и угрожающего толка.

Образцовыми примерами онтологии декларации могут послужить, с одной стороны, «Тысяча плато» Жюль Делёза и Феликса Гваттари, а с другой, большая часть изводов объектно ориентированной онтологии. В принципе «Что такое философия» Делёза и Гваттари, в которой они заявляют, что философия – это «творчество концептов» [7, с. 50], с этой позиции она может быть прочитана как манифесты онтологии декларации.

Заключение

В заключение стоит обратить внимание на само словосочетание «онтология декларации», которое, с одной стороны, ставит декларацию на место главного предмета онтологии, но, к тому же может быть прочитано в обратную сторону в качестве сугубо декларативной онтологии. В каком-то смысле так оно и есть, за тем лишь исключением, что в выражении «декларативная онтология» предполагаются, помимо одной, еще и другие, «настоящие» онтологии. Можно констатировать лишь историческое присутствие иных, недеklarативных онтологий в прошлом. Насколько долго сможет философская мысль пребывать в рамках онтологии декларации?

В видах и типах юридических значений понятия декларации присутствует так называемая «смертельная декларация», или, точнее, «декларация умирающего» (dying declaration), которую грамотнее перевести на русский язык привычным «предсмертным заявлением». Этот тип заявления отличается от других заявлений тем, что умирающему следует доверять более, нежели живущему, поскольку умирающему нет никакого смысла фабриковать заведомо ложные заявления: умирающий правдивее живущего. Сама ситуация, когда чистое делкарирование оказывается последним самостоятельным делом, не влекущим за собой необходимости иных действий, несомненно характерна для умирающего, поскольку, кроме своих последних слов, от него нет смысла ожидать чего-то еще. Распространение онтологии декларации в современную эпоху как бы указывает на то, что она сама к себе – в том числе и в отношении своей философии – относится как к последней, буквально предсмертной стадии. Ведь очевидно, что декларация устройства бытия, никак с бытием не соотносящегося, – роскошь, которую живущий, имеющий будущее, позволить себе

не может. В связи с этим касательно перспективы будущего положения дел в онтологии мы можем выказать робкую надежду на то, что бытие вернется: не онтологически, а в философской мысли. А поскольку онтологически бытие никуда и не уходило, то возвращаться к нему придется самой философии, и этот путь будет для мышления новым и неизведанным, хотя бы со стороны он и повторял первые шаги древнегреческой философии.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1997. 302 с.
2. Гронден Ж. Поворот в мышлении Мартина Хайдеггера. СПб. : Русский мир, 2011. 252 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1975. 550 с.
4. Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2012. 247 с.
5. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М. : Молодая гвардия, 2005. 614 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1999. 655 с.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : Академический проект, 2009. 261 с.

References

1. Heidegger M. *Einführung in die Metaphysik*. Berlin, De Gruyter, 1987. 181 S. (Russ. ed.: Heidegger M. *Vvedenie v metafiziku*. St. Petersburg, Vysshaya religioznofilosofskaya shkola Publ., 1997. 302 p.)
2. Grondin J. *Le tournant dans la pensée de Martin Heidegger*. Paris, Presses universitaires de France, 1987. 136 p. (Russ. ed.: Grondin J. *Povorot v myshlenii Martina Hajdeggera*. St. Petersburg, Russkiy mir, 2011. 252 p.)
3. *Aristotelis Metaphysica*. Oxford, Oxford University Press, 1957. 312 p. (Russ. ed.: Aristotle. *Sochineniya: v 4 t. T. 1*. Moscow, Mysl', 1975. 550 p.)
4. Brentano F. *Von der mannigfachen Bedeutung des Seienden nach Aristoteles*. Neuilly sur Seine, Ulan Press, 2012. 236 S. (Russ. ed.: Brentano F. *O mnogoznachnosti sushchego po Aristotelyu*. St. Petersburg, Vysshaya religioznofilosofskaya shkola Publ., 2012. 247 p.)
5. Safranski R. *Ein Meister aus Deutschland. Heidegger und seine Zeit*. München u. a., Hanser, 1994. 544 S. (Russ. ed.: Safranski R. *Hajdegger: germanskiy master i ego vremya*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2005. 614 p.)
6. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. GmbH, Verlag, 1986. 1011 S. (Russ. ed.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Nauka, 1999. 655 p.)
7. Deleuze J., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, Les Éditions de Minuit, 1991. 208 p. (Russ. ed.: Deleuze J., Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2009. 261 p.)

Поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 05.01.2024; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 05.01.2024; accepted for publication 12.01.2024